

Вербовка и подготовка разведывательно- диверсионной агентуры немецкими спецслужбами на территории Беларуси в 1941–1944 гг.: национальный аспект

**Intelligence and sabotage training of agents
by German special services in Belarus
in the years 1941–1944**

VARIA

АБВЕР
АГЕНТ
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
ДИВЕРСИЯ
ОККУПАЦИЯ
ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-
ДИВЕРСИОННАЯ ШКОЛА
ШПИОНАЖ

ABWEHRA
AGENT
II WOJNA ŚWIATOWA
DYWERSJA
OKUPACJA
RUCH PARTYZANCKI
SZKOŁY WYWIADOWCZO-
DYWERSYJNE
SZPIEGOSTWO

ABWEHR
AGENT
WORLD WAR II
DIVERSION
OCCUPATION
GUERRILLA MOVEMENT
INTELLIGENCE AND DIVERSION
SCHOOLS
ESPIONAGE

Аннотация

На оккупированной территории БССР немецкие спецслужбы развернули активную работу по созданию многочисленных разведывательно-диверсионных школ и курсов, на которых готовилась квалифицированная агентура противника. За годы оккупации Беларуси было открыто более 50 учебных центров. Немецкие спецслужбы активно использовали в своей работе „национальный” фактор. Курсантами из числа военнопленных были русские, украинцы, белорусы, казахи и др. Кроме того, на территории Западной Беларуси к шпионской работе привлекалось к польское население. Учебные центры по его подготовке располагались в Барановичах, Бресте, Ганцевичах, Минске, Новогрудке, Пинске.

Abstrakt

W czasie okupacji na terenach sowieckiej Białorusi niemieckie służby specjalne utworzyły ponad 50 wywiadowczo-dywersyjnych centrów szkoleniowych, w których kształcono przyszłą agenturę. W artykule dokonano analizy jej narodowościowego składu. Główną grupę przygotowywanych agentów stanowili Białorusini. Ponadto szkolono jeńców wojennych (m.in. Rosjan, Białorusinów, Ukraińców, Kazachów), a na terenach zachodniej Białorusi angażowano również Polaków. Przygotowywano agentów pochodzenia żydowskiego, kaukaskiego, volksdeutsche i innych narodowości. Centra znajdowały się w: Baranowiczach, Brześciu, Hancewiczach, Mińsku, Nowogrodzku i Pińsku.

Abstract

During the period of occupation of Soviet Belarus, the German secret services established more than 50 intelligence and sabotage training centres for future agents. The article presents an analysis of its composition by nationality. The main group of agents trained were Belarusians. In addition, prisoners of war were trained (including Russians, Belarusians, Ukrainians, Kazakhs), and Poles recruited in Western Belarus. They prepared agents of Jewish, Caucasian, and Volksdeutsche decent, as well as other nationalities. The centres were located in Baranowicze, Brześć, Hancewicze, Minsk, Navahrudak and Pinsk.

Одной из малоизученных страниц истории периода 1941–1944 гг. на территории Беларуси является деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ (курсов). Основным направлением деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ в БССР была подготовка агентуры для борьбы с партизанским движением и городским подпольем. Из 68 учебных центров только 30 % готовило агентурные кадры для заброски в части Красной Армии или в тыл СССР, остальные – для борьбы с движением Сопротивления.

Характеризуя источниковую базу по данной проблеме, укажем на общие закономерности использования документальных источников на протяжении всего послевоенного этапа:

1. Закрытость архивов. На протяжении всего этого периода можно говорить о том, что документы по данной теме в большинстве своем являлись засекреченными. Это касается как архивов спецслужб,

так и соответствующего корпуса документов „партизанских и партийных фондов”¹.

2. Избирательное и тенденциозное использование материалов. В научный оборот в основном вводились документы, которые показывали положительные стороны деятельности советских чекистов и партизан (статистические данные о количестве разоблаченной агентуры, отчеты по разведывательной и контрразведывательной работе, докладные записки и др.). Из разоблаченных агентов в первую очередь демонстрировались те категории, которые находились в прямой оппозиции к советской власти (бандиты, уголовники, бывшие репрессированные, эмигранты и т.д.).

3. Недостаточное изучение, анализ и ввод в научный оборот „низовых” документов по теме, то есть источников, которые сформировались в партизанских соединениях, руководящих районных, межрайонных, областных и других центрах, а также в оперативных спецгруппах НКВД/НКГБ. В первую очередь исследователи работали с отчетной документацией руководящих органов партизанского движения, в которой приводятся итоговые цифры и данные, но не проводился анализ этих документов на предмет их достоверности. Не прослеживался „путь” разведанных из партизанского отряда или даже агентурного сотрудника (нижнее звено) до штаба партизанского движения и далее (верхнее звено).

Документальные источники по разведывательной и контрразведывательной деятельности партизан можно отнести к письменным, а основу комплекса материалов БШПД и подчиненных ему формирований составляют документы делопроизводства. Представляется корректным использование функциональной классификации делопроизводственных документов по данной проблеме, когда можно выделить следующие основные виды документов: организационно-распорядительные (приказы, указания и рекомендации по ведению разведки, инструкции), планово-отчетные (отчеты, разведывательные и оперативные сводки, донесения, опросные листы, разведанные и др.), судебно-следственные (протоколы допросов, следственные дела) и справочно-информационные (справки, обзоры, аналитические и докладные записки).

Отметим также еще несколько важных, на наш взгляд, групп источников. Безусловно, изучение данной темы невозможно без

¹ В первую очередь имеются ввиду судебно-следственные документы на изменников, предателей, шпионов, которые содержатся в описях №№ 21 и 22 фонда № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) Национального архива Республики Беларусь (НАРБ).

привлечения документов органов государственной безопасности. Чекисты вели большую работу по выявлению и разоблачению агентов, их вербовке и перевербовке, ведению радиоигр, внедрению в немецкие спецшколы. К сожалению, приходится констатировать, что доступ к документальным источникам архивов КГБ и МВД на сегодняшний день практически невозможен. Вместе с этим отметим, что значительный корпус документов НКВД/НКГБ имеется на хранении в Национальном архиве Республики Беларусь (фонды 4п, 1450, объединенные архивные партизанские фонды). Выделим Разведсводки НКВД БССР об органах германской разведки, контрразведки, погранполиции, контрреволюционных формированиях, дислокации воинских частей и мероприятиях немцев на территории генерал-губернаторства против пограничного участка БССР, которые составлялись накануне начала немецкого нападения и показывают значительную активность спецслужб противника по заброске своей агентуры на советскую территорию².

Значительный интерес представляют спецсводки народного комиссара внутренних дел³, отчеты, рапорты и докладные записки работников НКГБ и НКВД о положении в оккупированных районах и их работе в тылу врага, протоколы опроса лиц, вышедших из плена и окружения, отчеты о работе спецгрупп⁴. Наиболее информативным источником по данной проблеме являются спецсообщения наркома государственной безопасности Лаврентия Цанавы на имя Первого секретаря ЦК КП(б) Б Пантелеймона Пономаренко, которые он регулярно посылал в 1942–1943 гг.⁵

Необходимо сказать о таком значительном по объему массиве источников, как трофейные документы (оригинальные или переводные) немецких оккупационных и разведывательных органов, руководящих структур, воинских соединений различных уровней. Они касаются прежде всего вопросов борьбы с партизанским движением. Это различного рода указания, рекомендации и правила, которые регулировали и определяли вопросы противопартизанской борьбы⁶. В качестве примера приведем документы, связанные

² См. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4п, оп. 33а, д. 16851, 16852, 16853, 18372.

³ См. *ibidem*, оп. 33а, д. 22.

⁴ См. *ibidem*, оп. 33а, д. 62, 63; ф. 1440, оп. 3, д. 786–788; ф. 1450, оп. 2, д. 108; ф. 1450, оп. 4, д. 241, 411.

⁵ См. *ibidem*, ф. 4п, оп. 33а, д. 151, 400.

⁶ См. *ibidem*, оп. 33а, д. 83, 84; ф. 1440, оп. 3, д. 791; ф. 1450, оп. 2, д. 1342; ф. 1450, оп. 3, д. 157–172, 188.

с деятельностью абвергруппы-315⁷, абверкоманды-303⁸, директивы и указания „Зондештаба-Р”⁹, Служебные указания офицерам разведки и контрразведки, состоящим при командующем охранными частями группы армий „Центр” от 2 апреля 1943 г.¹⁰. Также сюда относятся документы о деятельности полицейских и антисоветских формирований и организаций¹¹. Привлечение этих документов позволяет взглянуть на проблему глазами противника, оценить и проанализировать комплекс противопартизанских мероприятий, в том числе подготовку и заброску агентуры.

В годы оккупации немецкие спецслужбы развернули на территории БССР массовую работу по вербовке и обучению разведывательно-диверсионной агентуры как из гражданского населения, так и из числа военнопленных, которые содержались в более чем 160 лагерях¹². Своеобразным руководством к этой деятельности стали три заповеди в разведке, сформулированные Рудольфом Гессом: „Нет такой тайны, которую нельзя было бы узнать”, „Каждый может быть шпионом” и „Каждый должен быть шпионом”. Одним из главных критериев в деятельности немецких секретных органов была нацеленность на результат и в определенной степени игнорирование идеологических и нравственных барьеров в работе.

Ведущее место в разведывательной работе Третьего рейха отводилась абверу – органу военной разведки и контрразведки, который был организован в 1919 г. В связи с активной внешнеполитической деятельностью Германии и ее возрастающей подготовкой к войне, в 1938 г. была произведена реорганизация абвера, на базе которого было создано Управление „Абвер-заграница” при штабе верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ). Перед этим управлением была поставлена задача организовать широкую разведывательную и подрывную работу против стран, на которые готовилась напасть Германия, особенно против Советского Союза. Практическую разведывательную, контрразведывательную и диверсионную работу

В годы оккупации немецкие спецслужбы развернули на территории БССР массовую работу по вербовке и обучению разведывательно-диверсионной агентуры как из гражданского населения, так и из числа военнопленных, которые содержались в более чем 160 лагерях.

⁷ См. *ibidem*, ф. 853, оп. 1, д. 1.

⁸ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 3, д. 161, л. 62, 63, 69.

⁹ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 268, л. 107–109, 111.

¹⁰ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 3, д. 160, л. 34–70; ф. 1450, оп. 11а, д. 10, л. 243–272.

¹¹ См. Например: Государственный архив Минской области (ГАМн): ф. 622, оп. 1, д. 1, 5, 12; НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 46–48, 51 и др.

¹² Ср. Е.Н. Докунова, *За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги*, „Беларуская думка”, 2012, № 2, с. 94.

проводили периферийные органы абвера – абверштелле (далее – АСТ), имевшиеся в каждом военном округе. Они выявляли агентуру и лиц, враждебно относившихся к Германии, вели борьбу с партизанским движением и готовили агентов для фронтовых команд абвера. Отличительной чертой юридического оформления статуса периферийных органов немецкой разведки является то, что они выступали не от имени своих разведывательных и специальных органов, а под прикрытием различных гражданских государственных учреждений и частных предприятий, формально не имевших никакого отношения к деятельности разведки.

В июне 1941 г. для организации разведывательно-диверсионной и контрразведывательной деятельности против Советского Союза и для руководства этой деятельностью был создан специальный орган на советско-германском фронте, условно именовавшийся штаб „Валли“. Он подчинялся соответствующему отделу Управления „Абвер-заграница“ и докладывал о результатах разведывательной и подрывной деятельности против СССР.

С 1942 г. в непосредственном подчинении „Валли-1“ находился специальный орган „Зондерштаб-Р“ или „Особый штаб Россия“, проводивший агентурную работу по выявлению партизанских отрядов, антифашистских организаций и групп в тылу действующей немецкой армии. „Зондерштаб-Р“ занимался агентурной разведкой и разложением партизанских отрядов, выявлением лиц, связанных с партизанами, подпольных антифашистских групп и организаций. С октября 1943 г. на „Зондерштаб-Р“ было также возложено проведение агентурной разведки в тылах советских войск.

Еще накануне нападения нацистской Германии на Советский Союз, весной 1941 года, всем армейским группировкам немецкой армии были приданы по одной разведывательной, диверсионной и контрразведывательной абверкоманде, а армиям – подчиненные этим командам абвергруппы. Именно абверкоманды и абвергруппы с подчиненными им школами являлись основными органами немецкой военной разведки и контрразведки, действовавшими на советско-германском фронте. Всего на территории БССР в годы войны действовало 28 абверкоманд и абвергрупп.

Вопреки сложившемуся утверждению о том, что подготовкой разведывательно-диверсионной агентуры и созданием спецшкол занимались структуры абвера, укажем на то, что практически все оккупационные секретные и военные органы, помимо выполнения своих непосредственных задач, вели в разной степени работу по вербовке и подготовке шпионов. Агентура готовилась в разведывательных отделах (1с) охранных дивизий вермахта, которые

были тесно связаны с органами полевой жандармерии и тайной полевой полиции (ГФП)¹³.

Особую роль в системе оккупационного аппарата восточной Беларуси исполняла тайная полевая полиция, которая была полицейским исполнительным органом военной контрразведки в действующей армии. Руководящие установки подразделения ГФП получали от Управления „Абвер-заграница“. Подразделения и службы ГФП были полностью моторизованные и технически оснащенные и, как правило, укомплектованы опытными полицейскими чиновниками, призванными в армию, или старослужащими унтер-офицерами¹⁴. Кроме того, перед началом войны в подразделения ГФП были включены опытные сотрудники криминальной полиции (Крипо)¹⁵, которые должны были улучшить следственную работу на Восточном фронте.

По сути, тайная полевая полиция выполняла в зоне военной администрации те же функции, что и полиция безопасности и СД на территории гражданской администрации. ГФП проводила весьма активную и продуктивную работу в области вербовки и подготовки разведывательно-диверсионной агентуры. В 1942 г. в Москве для служебного пользования был подготовлен документ „Мероприятия германского командования против советских партизан (июль 1941–январь 1942 г.)“, где в разделе „Разведка“ указывалось:

„ Тайной полевой полицией вести списки всех секретных агентов с их характеристиками для того, чтобы в случае перемены дислокации, новоприбывающие германские органы автоматически переняли оправдавшую себя агентуру. „Наставление по борьбе с партизанами“ рекомендует вербовать секретную агентуру преимущественно из числа „граждан окраинных республик или лиц, семьи которых пострадали от большевиков. Секретные агенты, насколько возможно, должны контролироваться ГФП¹⁶.

Укажем на то, что подразделения ГФП организовали на оккупированной территории БССР несколько учебных разведывательно-диверсионных центров (курсов) в Борисове¹⁷, Лепеле¹⁸,

¹³ См. НАРБ, ф. 1402, оп. 1, д. 79, л. 2; ф. 1406, оп. 1, д. 357, л. 122; ф. 1450, оп. 4, д. 220, л. 188.

¹⁴ Ср. П.А. Панкратов, *«Мрак и туман»*, „Военно-исторический журнал“, 1998, № 3, с. 14–15.

¹⁵ Ср. G. Williamson, *German Security and Police Soldier 1939–45*, London 2002, с. 12.

¹⁶ НАРБ, ф. 4п, оп. 33а, д. 84, л. 13–16.

¹⁷ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 21, д. 75, л. 20–21об.

¹⁸ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 11, л. 51.

Орше¹⁹, местечках Семежево (Краснослободского района), Уречье (Слуцкого района), Любане и Старых Дорогах (Минская обл.)²⁰.

На всей оккупированной территории восточной Беларуси также действовали подразделения полевой жандармерии, которая осуществляла функции полиции порядка в войсках и в зоне ответственности военной администрации. К началу войны с СССР в вермахте было 15 батальонов полевой жандармерии. На территории восточной Беларуси полевая жандармерия действовала при соответствующих воинских формированиях и административных структурах: в областных центрах функционировали жандармские управления, в районных центрах – жандармские посты, а в сельской местности за порядком следили служащие опорных пунктов. Личный состав жандармских постов был относительно небольшим – около 20 человек²¹. По архивным документам прослеживается достаточно активная деятельность подразделений полевой жандармерии (как на территории Беларуси, так и на территории Украины) по подготовке агентуры²².

В тыловом районе группы армий „Центр” и на оккупированной территории БССР действовала оперативная группа „Б” (айнзатцгруппа-Б). Основной зоной деятельности этой группы были районы Минска и Смоленска. Ее первым начальником был СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции А. Небе.

В ее состав входили две зондеркоманды (7а и 7б) и две айнзатцкоманды (8 и 9). Общая численность эйнзатцгруппы-Б составляла 655 человек (штаб группы – 71 человек; зондеркоманда-7а – 93; зондеркоманда-7б – 91; айнзатцкоманда-8 – 241; айнзатцкоманда-9 – 186). В июле 1941 г. в Минске была образована передовая команда „Москва”, позднее – зондеркоманда-7ц. Вначале ее численность составляла 13 человек²³. Подготовка аген-

На всей оккупированной территории восточной Беларуси также действовали подразделения полевой жандармерии, которая осуществляла функции полиции порядка в войсках и в зоне ответственности военной администрации. К началу войны с СССР в вермахте было 15 батальонов полевой жандармерии.

¹⁹ См. *ibidem*, ф. 1350, оп. 1, д. 35, л. 7–8.

²⁰ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 58, л. 66.

²¹ Ср. О.М. Гончаренко, М.П. Куницький, О.Є. Лисенко, *Система органів місцевого управління на території райхскомісаріату „Україна” та „військової зони”. 1941–1944 рр.*, Київ 2014, с. 77.

²² См., например: НАРБ, ф. 4п, оп. 33а, д. 388, л. 15; ф. 4п, оп. 33а, д. 400, л. 6–8, 87–88; ф. 1399, оп. 1, д. 9, л. 79; ф. 1402, оп. 1, д. 165, л. 11–13; ф. 1450, оп. 2, д. 57, л. 66, 128, 148; ф. 1450, оп. 4, д. 268, л. 10; ф. 1450, оп. 21, д. 31, л. 286–287об.; ф. 1450, оп. 21, д. 70, л. 167; ф. 1450, оп. 22, д. 116, л. 108об., 124–125.

²³ Ср. H. Krausnick, *Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938–1942*, Frankfurt-am-Main 1998, с. 126.

турных кадров при айнзатцгруппах и командах велась как стационарно – с обучением, так и „на месте” – без обучения, только с кратким инструктажем. Так, при зондеркоманде-76 весной 1944 г. в Борисове действовали агентурные курсы. Аналогичные курсы действовали при отрядах айнзатцкоманды-9 в Витебске и Лепеле²⁴.

В тесном взаимодействии с айнзатцгруппами действовал разведывательно-диверсионный орган „Цеппелин”. Укажем на то, что основным направлением деятельности этой структуры было южное (Крым, Южная Украина и Россия, Кавказ), однако структурные подразделения „Цеппелина” размещались и на территории БССР. „Цеппелин” состоял из руководящего штаба, находящегося до весны 1943 г. в Берлине, а также специальных воинских формирований – особых команд и учебных лагерей, действовавших на советско-германском фронте. Агентура „Цеппелина” предназначалась главным образом для провокационной, разложенческой деятельности среди гражданского населения тыловых районов СССР, поэтому, в отличие от абвера, где курсантам давали главным образом разведывательно-диверсионную подготовку, органы „Цеппелина” вели, помимо обычного обучения, длительную национал-социалистическую обработку шпионов²⁵.

В связи с учреждением имперского комиссариата „Остланд” и установлением на его территории гражданского управления, а также реорганизацией органов полиции безопасности и СД, в декабре 1941 г. в Минск был назначен начальник полиции безопасности и СД оберштурмбанфюрер СС Эдуард Штраух. Управление размещалось в Минске, в одном из зданий Университетского городка Белгосуниверситета по улице Советской. В соответствии с задачами полиции безопасности и СД все сотрудники ведомства занимались обеспечением безопасности установленного „нового порядка”. В первую очередь это борьба с партизанами, любым сопротивлением, проведение карательных акций, борьба с саботажем, разведывательная и контрразведывательная работа, уничтожение евреев, конфискация и передача немецким властям захваченного имущества. К октябрю 1943 г. командиру полиции безопасности и СД в Минске подчинялось около 150 немецких сотрудников и более 1000 „местных” полицейских – прибалтов,

²⁴ Ср. *Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны*, ред.-сост. А.В. Валякин, А.А. Кохан, Симферополь 2011, с. 480, 482.

²⁵ Ср. В.П. Ямпольский, В.Ф. Богодист, *Организация и деятельность „Цеппелина”* [в:] *Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб*, т. 4, Москва 2008, с. 327–356

фольксдойче и белорусов²⁶. В Барановичах размещался филиал минского командного пункта полиции безопасности и СД. Он подчинялся непосредственно командиру полиции безопасности в Минске.

Значительная роль в проведении разведывательной работы на оккупированных территориях отводилась комендатурам различных уровней (полевым и местным). Полевые комендатуры создавались обычно в пределах области. Им подчинялись местные комендатуры, создаваемые в городах, районных центрах, крупных узлах железных и шоссейных дорог и местах дислокации военных гарнизонов. Полевая комендатура насчитывала от 60 до 80 человек, местные были двух видов: от 30 до 40 и от 15 до 20 человек²⁷. Представляется важным отметить, что комендатуры всех уровней играли роль „принимающей стороны“, то есть в процессе выполнения задания или после его окончания разведывательные данные от агента должны были поступать именно в комендатуры, так как они, или их филиалы, размещались в небольших населенных пунктах. Сами агенты также должны были возвращаться с заданий через комендатуры²⁸. Кроме того, комендатуры различных уровней курировали вопросы засылки агентуры в партизанские соединения из опорных пунктов и гарнизонов²⁹.

В результате деятельности вышеназванных немецких спецслужб и оккупационных органов, на территории Беларуси было открыто 68 учебных разведывательно-диверсионных центров, из них 13 школ и курсов, на которых обучались дети-диверсанты. Эти заведения размещались в Барановичах, Бобруйске, Борисове, Бресте, Вилейке, Городке, Куренце, Минске, Могилеве, Сенно, Слуцке, Орше и Шумилино. Через эти учебные центры „прошло“ от тысячи до нескольких тысяч детей³⁰. Более чем в 20 шпионских школах осуществлялось подготовка „агентов в юбках“ – молодых девушек и женщин³¹. К разведывательно-диверсионной работе

²⁶ Ср. С.Я. Новікаў, *Беларусь у кантэкście германская гістарыяграфіі гісторыі другой сусветнай вайны*, Мінск 2004, с. 367–368.

²⁷ Ср. D. Pohl, *Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militarbesatzung und die einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944*, München 2008, с. 114–116.

²⁸ См. ГАМН, ф. 4233, оп. 1, д. 22, л. 106об.; НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 56, л. 65–68об.; ф. 1450, оп. 2, д. 57, л. 40; ф. 1450, оп. 4, д. 57, л. 68–70; ф. 1450, оп. 21, д. 31, л. 286.

²⁹ См. ГАМН, ф. 4233, оп. 1, д. 22, л. 126; НАРБ, ф. 1401, оп. 1, д. 206, л. 216; ф. 1401, оп. 1, д. 251, л. 174; ф. 1450, оп. 1, д. 15, л. 201; ф. 1450, оп. 1, д. 886, л. 109; ф. 1450, оп. 2, д. 60, л. 137–137об.

³⁰ С.В. Кулинок, *Школы и курсы немецких спецслужб для детей и подростков на территории Белорусской ССР (1941–1944 гг.)* [в:] *Исторические чтения на Лубянке. 2015 год. Деятельность отечественных спецслужб XIX–XXI веках*, Москва 2016, с. 211–226.

³¹ См. С.В. Кулинок, „В школе немецких разведчиков я училась полгода...“: использование женщин в разведывательно-диверсионной работе на территории БССР в годы

немецкая разведка привлекала и другие незащищенные категории населения: инвалидов³², стариков³³, сирот и детдомовцев³⁴. Одним из малоисследованных вопросов деятельности немецких секретных органов на оккупированной территории Беларуси является привлечение к шпионско-диверсионной работе различных национальных групп населения. В рамках предлагаемой статьи затрагиваются проблемы использования агентов различных национальностей (белорусов, русских, украинцев, прибалтов, поляков, евреев, фольксдойче и др.), особенности их вербовки, а также определение количественных показателей по обозначенной теме.

Первые национальные подразделения в системе абвера (немецкая военная разведка и контрразведка) появились еще до начала вторжения немцев в Советский Союз. Для действий против СССР был сформирован из украинцев, обучавшихся в спецлагерях на территории Германии, отряд „Соловей” („Нахтигаль”). В 1941 г. отделом „Абвера-2” Управления „Абвер-заграница” было сформировано специальное воинское подразделение – батальон „Бергман” (горец), предназначенный для подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал 1500 человек и был укомплектован лицами грузинской национальности, карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами, азербайджанцами и армянами³⁵. Укажем, что эти части формировались на территории Рейха и комплектовались в основном эмигрантами и „идейными” коллаборантами. Ситуация на территории Беларуси имела свои отличия.

Подготовка разведывательно-диверсионных кадров на оккупированной территории БССР осуществлялась по двум основным направлениям. Во-первых, это обучение курсантов в специальных разведывательно-диверсионных школах (курсах). Сроки подготовки были различными в каждом отдельном случае: от нескольких недель (курсы в м. Семежово)³⁶

Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) [в:] Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность: материалы XX Всеросс. науч. конф, Москва 2017, с. 253–261.

³² Ср. НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 62, л. 240; Н.Е. Усов, *В семье партизанской*, Минск 1988, с. 40–41.

³³ См. НАРБ, ф. 4п, оп. 33а, д. 197, л. 152–158; ф. 4п, оп. 33а, д. 204, л. 12; ф. 1450, оп. 2, д. 1298, л. 2–4; ГАМН, ф. 4233, оп. 1, д. 1, л. 130б.–14.

³⁴ См. НАРБ, ф. 4п, оп. 33а, д. 178, л. 33; ф. 1350, оп. 1, д. 35, л. 49–50; ф. 1450, оп. 1, д. 4, л. 13, 89; ф. 1450, оп. 21, д. 8, л. 157–158.

³⁵ Ср. *Структура и деятельность органов германской разведки ...*, с. 27, 277–278.

³⁶ См. НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 53, л. 19.

до года (школа в Орше)³⁷. Говоря о количестве открытых разведывательно-диверсионных школ, укажем, что в советской, современной российской и до недавнего времени в белорусской историографии исследователи использовали два количественных показателя – 22³⁸ и 25³⁹ учебных центра. На сегодняшний день эти данные устарели и требуют кардинального пересмотра. По подсчетам автора статьи, основанным на привлечении и использовании новых архивных документов⁴⁰, можно говорить о деятельности на территории Беларуси в годы войны 68 секретных школ и курсов⁴¹.

Вторым направлением была вербовка и подготовка агентов „на месте” с предварительным кратким инструктажем и последующей засылкой в партизанские отряды⁴². Такой метод практиковался, как правило, в отношении одного агента или небольшой группы лиц, когда имелась хорошая возможность для вербовки. Уровень подготовки таких агентов был значительно ниже.

По данным переписи 1939 г. на территории БССР проживало 5 568 994 человек, из них: белорусов – 4 615 496 (82,9%), русских – 364 705 (6,6%), украинцев – 104 247 (1,87%), евреев – 375 092 (6,79%),

³⁷ См. *ibidem*, оп. 2, д. 65, л. 110б.

³⁸ Ср. Г.Д. Комков, *Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны*, „Вопросы истории”, 1965, № 5, с. 33; В.К. Киселев, *Партизанская разведка. Сентябрь 1943–июль 1944*, Минск 1980, с. 115; А.К. Соловьев, *Они действовали под разными псевдонимами*, Минск 1994, с. 89; Н. Смирнов, *СМЕРШ против абвера*, „Армия”, 2000, № 2, с. 35; В.В. Коровин, *Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны*, Москва 2003, с. 170.

³⁹ Ср. В.К. Киселев, *Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии*, „Вопросы истории”, 1984, № 3, с. 47; К.И. Доморад, *Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг.*, Минск 1995, с. 222; Э.Г. Иоффе, *Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел „Иностранцы армии – Восток” в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг.*, Минск 2007, с. 219–220; К.И. Козак, *Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги*, Минск 2012, с. 170.

⁴⁰ См. С.В. Кулинок, *Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы великой отечественной войны*, „Вестник архивиста”, 2016, № 4, с. 74–86.

⁴¹ См. *idem*, *К вопросу о количестве разведывательно-диверсионных, полицейских, казацких и других школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны* [в:] *Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф.*, вып. 14, Мінск 2016, с. 135–142; *idem*, *Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: новые направления и перспективы исследования* [в:] *Российские и славянские исследования: сборник научных трудов*, вып. 11, Минск 2016, с. 85–91.

⁴² Например: НАРБ, ф. 4п, оп. 33а, д. 400, л. 6–8; ф. 1399, оп. 1, д. 9, л. 79; ф. 1401, оп. 1, д. 251, л. 173; ф. 1402, оп. 1, д. 79, л. 2; ф. 1450, оп. 4, д. 57, л. 66–68, 148; ф. 1450, оп. 21, д. 26, л. 197–203.

поляков – 58 380 (1%). После присоединения Западной Беларуси к БССР в сентябре 1939 г. численность населения увеличилась до 10,239 млн человек. Причем процентное соотношение белорусов в общем составе населения немного уменьшилось, в то время как поляков и евреев увеличилось⁴³.

Характеризуя „национальный фактор” вербовочной деятельности немецких спецслужб, нам представляется важным отметить несколько аспектов. Во-первых, провести разделение на „активных” пособников (меньшинство) и тех, для кого сотрудничество с немецкими разведорганами было единственным способом выжить в условиях оккупации и войны (большинство). Определенная тенденция такого деления прослеживается и на национальном уровне. Процент добровольного сотрудничества среди жителей прибалтийских государств, фольксдойче и жителей Западной Украины был достаточно высоким. В то же самое время „вынужденное” сотрудничество с немецкими спецслужбами более характерно для местного гражданского белорусского и еврейского населения.

Во-вторых, агентура из числа белорусов, поляков, евреев и фольксдойче активно вербовалась, в первую очередь, из местного гражданского населения, так как представители этих национальностей проживали на территории БССР в большом количестве. А вот агентура из представителей других национальностей и народностей (русских, украинцев, жителей Кавказа, Средней Азии и др.) вербовалась в основном из среды военнопленных многонациональной Красной армии, которые в большом количестве размещались в лагерях на территории Беларуси.

В-третьих, при анализе национального состава выпускаемой агентуры возникают определенные сложности. Это связано с тем, что во многих архивных документах не уточняется, какое количество агентов различных национальностей выпускается учебным центром. Например, в Минскую шпионскую школу службы безопасности и полиции СД „набираются лица разных национальностей”⁴⁴, а в секретной школе в Слуцке среди 200 курсантов были „белорусы, русские, поляки, жители Слуцкого района и г. Слуцка. Возраст от 17 до 20 лет”⁴⁵. В столице Беларуси 10 июня 1943 г. состоялся выпуск школы немецкой разведки „в количестве до 300 человек, по национальности – евреи, цыгане,

⁴³ Ср. Э.Г. Иоффе, *О людских потерях БССР в годы войны*, „Секретные исследования”, 2012, № 21 (ноябрь), с. 14.

⁴⁴ НАРБ, ф. 1450, оп. 1, д. 4, л. 282; ф. 1450, оп. 2, д. 56, л. 42.

⁴⁵ *Ibidem*, оп. 2, д. 53, л. 12–13; оп. 21, д. 89, л. 66.

поляки – мужского и женского пола”⁴⁶. К сожалению, не представляется возможным определить, какое точное количество агентов польской, белорусской или русской национальности было в каждом конкретном выпуске. Это касается и половозрастных характеристик. Поэтому количественные данные, за редким исключением, будут носить условный и приблизительный характер, с учетом анализа всего массива выявленных архивных документов и определенных тенденций.

Стационарная подготовка немецкой агентуры осуществлялась путем наборов групп курсантов в школы и на вечерние курсы с последующим обучением (различным по срокам). Размер групп варьировался от 15–17 человек (разведывательная школа в Витебске)⁴⁷ до 150–200 (школы в Гомеле, Минске, Орше, Слуцке)⁴⁸ и даже до 500–700 (спецшколы в Минске)⁴⁹. По подсчетам автора всего за годы оккупации немецкие школы и курсы осуществили более 140 различных по размеру выпусков агентуры общим количеством от 15 до 17 тысяч человек, из которых 25–30% составляли „агенты в юбках”⁵⁰.

Характеризуя национальную составляющую стационарного обучения, выделим три основные разновидности набора агентуры.

Первая – это учебный курс с преобладанием местного (белорусского) населения. Как правило, такие наборы характерны для небольших школ и вечерних курсов в районных городах и сельских местностях. Это самая распространенная разновидность набора. Например, разоблаченный немецкий агент Константин К., прошедший обучение в спецшколе

Первая – это учебный курс с преобладанием местного (белорусского) населения.

в Полоцке, рассказал, что перед слушателями ставились широкие задачи по разведке и разложению партизанских отрядов: подбор и вербовка агентуры из числа партизан, имеющих дисциплинарное высказывание, морально разложившихся, имевших судимость, исключенных из рядов ВКП/б/ и ВЛКСМ, распространение всякого рода провокационных слухов, сбор разведывательных данных, похищение документов секретного характера, диверсии на партизанских базах, отравление пищи и заражение бактериями

⁴⁶ *Ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 1808, л. 119.

⁴⁷ См. *Ibidem*, ф. 1450, оп. 1, д. 887, л. 155–156; ф. 1450, оп. 2, д. 53, л. 18–19.

⁴⁸ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 2, д. 102, л. 4–40б.; ф. 1450, оп. 2, д. 53, л. 18–19; ф. 1450, оп. 2, д. 57, л. 21–22, 72, 286–297; ф. 1450, оп. 21, д. 1, л. 131–133; ф. 1450, оп. 21, д. 21, л. 332–338; ГАМн, ф. 4233, оп. 1, д. 1, л. 1–2; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 69, оп. 1, д. 708, л. 178.

⁴⁹ См. НАРБ, ф. 1405, оп. 1, д. 808, л. 83; ф. 1450, оп. 2, д. 62, л. 47, 104.

⁵⁰ Ср. С.В. Кулинок, „В школе немецких разведчиков я училась полгода...” ..., с. 260–261.

скота. Вместе с Константином К. обучалось еще 50 агентов – все белорусы, большинство набрано из городов и деревень Витебской области⁵¹. В начале января 1944 г. набор в шпионскую школу в Барановичах производился из жителей окрестных деревень⁵². В марте 1944 г. в деревне Белый Переезд (современный Петриковский район) была открыта „школа гестапо, которая готовит шпионов, разведчиков, диверсантов. Первый набор проведен из населения, прятавшегося от немцев в лесах и забранного ими из деревень: Большие и Малые Городятичи, Замостье, Забинья и Белый Переезд”⁵³, то есть из местных жителей. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении Куренецкой школы, куда было набрано для обучения 180 человек местного белорусского населения⁵⁴.

Второй разновидностью является „интернациональный” набор, когда на курсе обучаются и выпускаются агенты разных национальностей. Такая подготовка характерна для крупных школ (Бобруйская, Борисовская, Минская), или для учебных центров, которые вербовали агентов в лагерях военнопленных (Борисовская, Гомельская, Минская, Могилевская). Так, один из выпусков спецшколы в Борисове включал в себя 42 агента, из них: 12 украинцев, 11 русских, три немца-фольксдойче, четыре белоруса, по два латыша и поляка, один чуваш и один житель Кавказа. Национальность шести агентов не установлена⁵⁵. Из 25 агентов Лошницкой разведшколы, выпущенных в 1944 г., было семеро белорусов, по два украинца и узбека, по одному русскому и поляку (национальности остальных не установлены)⁵⁶. В мае 1944 г. из разведшколы в деревне Пигановичи в тыл Советского Союза было направлено две группы агентов (из шести и четырех человек) следующих национальностей: пятеро русских, три украинца, один армянин и мордвин⁵⁷.

Набор третьего вида характеризуется доминированием курсантов небелорусской национальности (русские, украинцы и др.). Это наименее распространенный метод отбора и подготовки агентуры, который тем не менее использовался в разведывательных учебных центрах на территории БССР. Например, в Березинской разведшколе из набора в 23 курсанта русских агентов было 16 человек,

⁵¹ См. НАРБ, ф. 4п, оп. 33а, д. 151, л. 275–281.

⁵² См. *ibidem*, ф. 1399, оп. 1, д. 10, л. 82; ф. 1450, оп. 2, д. 30, л. 540.

⁵³ *Ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 56, л. 86.

⁵⁴ См. *ibidem*, ф. 1402, оп. 2, д. 72, л. 310б.

⁵⁵ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 56, л. 208–208об.; ф. 1450, оп. 22, д. 113, л. 261–262.

⁵⁶ См. *ibidem*, оп. 22, д. 114, л. 298–301.

⁵⁷ См. *ibidem*, ф. 1401, оп. 1, д. 339, л. 37–38об.

двое – жители Кавказа, один – украинец⁵⁸. Из 28 шпионов, выпущенных Бобруйской спецшколой в апреле 1943 г., 20 агентов были украинцами, семеро – русскими и один – белорус⁵⁹.

Безусловно, основу готовившейся агентуры составляло белорусское население. В первую очередь к разведывательной работе привлекались лица, недовольные и обиженные советской властью, а также „идейные” противники большевизма и члены их семей⁶⁰. В отношении гражданского населения можно говорить о том, что в первую очередь вербовались социально незащищенные и уязвимые группы населения – женщины, дети, сироты, детдомовцы. Основными способами вербовки невоенных жителей были: угроза жизни или возможность отправки в лагерь, семейное заложничество, вывоз на принудительные работы в Германию, значительное материальное вознаграждение. Отметим еще одну интересную, на наш взгляд, тенденцию. В ряде случаев для обучения в разведшколах набиралось население из определенных регионов – областей или даже районов. Например, в подготовленной Белорусским штабом партизанского движения (БШПД) справке от 6 ноября 1943 г. указывалось, что „в г. Минске на Советской улице напротив Дома правительства находится школа шпионов, численностью 150 человек, преимущественно из жителей Западной Беларуси”⁶¹. В агентурной сводке по г. Минску от 6 июня 1944 г. указывалось: „Часто СД вызывает шпионов на неделю–две из районных городов, как Узда и др. (в прошлом году в Минске были курсы для шпионов из Узды) [...] В шпионы вербуются разные возраста: молодежь, старики, дети, мужчины и женщины. В Минске целые семьи завербованы в шпионы, как семья Ш.”⁶². Такая практика предполагала засылку будущей агентуры по месту ее жительства, где агентам хорошо была знакома местность, а также имела возможность для оседания у родных и близких⁶³. Для белорусского населения, особенно в сельских местностях, были организованы краткосрочные вечерние разведывательные курсы. Например, в совхозе Сосны в конце сентября 1942 г. были организованы полумесячные курсы для местных жителей. Занимались каждый вечер по 2–3 часа, одновременно обучалось 12–13 человек.

⁵⁸ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 1979, л. 49–51; ф. 1450, оп. 22, д. 114, л. 222–225.

⁵⁹ См. *ibidem*, ф. 1350, оп. 1, д. 35, л. 27; ф. 1406, оп. 1, д. 64, л. 4; ф. 1450, оп. 2, д. 55, л. 65–65об.

⁶⁰ См. *ibidem*, ф. 4п, оп. 33а, д. 197, л. 152–158; ф. 1440, оп. 3, д. 788, л. 4; ф. 1450, оп. 1, д. 4, л. 13; ф. 1450, оп. 2, д. 1329, л. 93–95; ф. 1450, оп. 21, д. 70, л. 117–117об.

⁶¹ *Ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 56, л. 4.

⁶² *Ibidem*, оп. 2, д. 22, л. 337об.–338.

⁶³ См. *ibidem*, оп. 2, д. 1298, л. 7.

Разоблаченный агент Павел М. на допросе сообщил, что программа подготовки включала „разведку среди партизан, террор и диверсию, вербовку людей на свою сторону и агитацию. Дальше вызывали отдельными группами по 3 человека и давали отдельные установки”⁶⁴. Укажем, что белорусы проходили обучение практически во всех школах на оккупированной территории БССР. Установить точную цифру пока не представляется возможным. По оценкам автора, белорусы составляли около 65–70% от общего количества подготовленных агентов.

Второй по количеству была русская агентура. Такой значительный объем подготовленных русских агентов объясняется следующими факторами: большим количеством населения, проживающего на территории БССР; деятельностью на территории Беларуси „Русской национальной народной армии” (центры формирования в Орше и м. Осинторф Витебской области)⁶⁵ и „Русской освободительной армии”⁶⁶ (из этих военных структур активно вербовалась шпионская и разведывательная агентура – С.К.); наличием большого количества русских военнопленных красноармейцев, которые составляли национальное большинство в РККА⁶⁷; вынужденной „миграцией” русского населения (коллаборантов, членов их семей и пособников) на территорию Беларуси вместе с отступающими частями немецкой армии.

Особый отдел соединения партизанских отрядов по Минской области в июне 1943 г. в одном из отчетов отмечал, что „для засылки шпионов вербуют людей, насильно эвакуированных из Смоленской, Витебской, Орловских и др. областей”⁶⁸. В конце ноября 1943 г. из Минска выпущена „группа 100 человек женщин, бывших беженок из Орловской области с целью шпионажа, под видом поиска своих семей. Задача таковых – вступление в партизанский отряд с целью шпионажа”⁶⁹. Кроме того, под натиском частей Красной армии на территорию БССР передислоцировались

⁶⁴ *Ibidem*, оп. 22, д. 116, л. 135–137.

⁶⁵ См. *ibidem*, оп. 3, д. 115, л. 59–61; М.Г. Никитин, „Русские” и „белорусские” воинские формирования гитлеровских оккупантов на территории Витебщины в 1941–1944 годах [в:] *Война известная и неизвестная: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию освобождения Витебщины от нем.-фашист. захватчиков, 15–16 июля 1994 г.*, Витебск 1995, с. 43–54.

⁶⁶ Ср. Ю.В. Зверев, *Документы Национального архива Республики Беларусь о деятельности „Русской освободительной армии” на территории Беларуси (1941–1944 гг.)* [в:] *Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання*, Мінск 1998, с. 135–136.

⁶⁷ См. НАРБ, ф. 1406, оп. 1, д. 357, л. 122.

⁶⁸ *Ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 60, л. 30об.–31.

⁶⁹ *Ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 1979, л. 42.

и разведывательно-диверсионные школы из Смоленска, Брянска, Рославля, Орла и других населенных пунктов РСФСР⁷⁰.

Русская агентура готовилась в школах в Барановичах⁷¹, Березино⁷², Бобруйске⁷³, Борисове⁷⁴, Бресте⁷⁵, Витебске⁷⁶, Глубоком⁷⁷, Гомеле⁷⁸, Лошнице⁷⁹, Лунинце⁸⁰, Минске⁸¹, Могилеве⁸², Орше⁸³, Осинторфе⁸⁴, Пигановичах⁸⁵, Слуцке⁸⁶, Стахово⁸⁷. Интересным, на наш взгляд, является пример подготовки промышленных диверсантов, который был осуществлен в Минске. Группа из четырех агентов (трое русских) была подготовлена для заброски в глубокий тыл Советского Союза с целью осуществления диверсий на промышленных объектах, однако она своевременно была разоблачена белорусскими партизанами еще до отправки⁸⁸. Из общего числа агентуры русские шпионы, по нашим приблизительным подсчетам, составляют приблизительно 10%.

Агентура украинской национальности также активно вербовалась и использовалась на территории Беларуси. В одном из документов абвера, датированном 18 февраля 1942 г., указывалось, что „при вербовке в первую очередь использовать лиц, владеющих русским языком, из кругов [...] украинских активистов, раскулаченных или ранее арестованных большевиками за политические преступления”⁸⁹. С осени 1942 г. в Вилейке стала действовать полицейская школа, в которой обучалось значительное количество украинцев. Ежемесячно выпускалось до 200 курсантов⁹⁰. В январе 1943 г. в партизанской бригаде „Дяди Васи” был разоблачен агент гестапо под кличкой „Радиус” – Василий М., 1904 г.р.,

⁷⁰ См. *ibidem*, ф. 1350, оп. 1, д. 35, л. 24.

⁷¹ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 1311, л. 640б.–660б.

⁷² См. *ibidem*, оп. 2, д. 56, л. 197–199.

⁷³ См. *ibidem*, ф. 1406, оп. 1, д. 357, л. 137.

⁷⁴ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 1335, л. 1–30б.

⁷⁵ См. *ibidem*, ф. 1399, оп. 1, д. 386, л. 1450б.

⁷⁶ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 1311, л. 640б.–660б.

⁷⁷ См. *ibidem*, оп. 1, д. 4, л. 123.

⁷⁸ См. *ibidem*, оп. 2, д. 57, л. 286–297.

⁷⁹ См. *ibidem*, оп. 22, д. 114, л. 298–301.

⁸⁰ См. *ibidem*, ф. 1407, оп. 1, д. 62, л. 13.

⁸¹ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 57, л. 414–415.

⁸² См. *ibidem*, оп. 2, д. 25, л. 131.

⁸³ См. *ibidem*, оп. 2, д. 56, л. 1–3.

⁸⁴ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 1979, л. 49–51.

⁸⁵ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 56, л. 126–127.

⁸⁶ См. *ibidem*, оп. 1, д. 4, л. 129–130.

⁸⁷ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 237, л. 8–80б.

⁸⁸ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 22, д. 114, л. 258.

⁸⁹ Цит. по: Н. Смирнов, *СМЕРШ против абвера...*, с. 33.

⁹⁰ См. НАРБ, ф. 1450, оп. 11, д. 32, л. 169–170об.

украинец по национальности, направленный с разведывательным заданием⁹¹. Сотрудниками абвергруппы-105, действовавшей в 1944 г. на территории Полесья, были четыре украинца, причем они вели свою работу начиная с 1941 г.⁹² В начале 1944 г. партизанами были получены данные, что на территории Гродненской области действуют две группы немецких разведчиков. Во главе первой стоял украинец Павел Д. (четверо человек), а начальником второй был также украинец, Николай Г. (восемь человек). Агенты должны были собирать сведения о дислокации и вооружении партизанских отрядов⁹³.

Немецкие агенты польской национальности начали активно засылаться на территорию Беларуси еще до начала Восточной кампании вермахта.

Кроме непосредственной подготовки агентов в школах и на курсах, украинскую агентуру активно вербовали среди многочисленных „национальных” полицейских формирований⁹⁴. Осенью 1943 г. немецкими разведывательными органами из Минска в партизанские зоны была заброшена группа шпионов и солдат (семь человек) из одного из украинских полицейских батальонов с задачами шпионского характера⁹⁵. Отметим, что при самих батальонах существовали так называемые „школы фельдфебелей”, в которых готовился младший командный состав для полицейских формирований, в том числе и по программе антипартизанских действий. Такая подготовка велась в 1-м и 2-м украинском батальонах. До мая 1942 г. было обучено до 80 человек⁹⁶. Определить точное количество подготовленных агентов-украинцев (как стационарно, так и одиночек) не представляется возможным, однако можно говорить о том, что эта цифра весьма значительна и ориентировочно может составлять 5–7%.

Немецкие агенты польской национальности начали активно засылаться на территорию Беларуси еще до начала Восточной кампании вермахта. Только за период с 1 августа по 1 октября 1940 г. органами госбезопасности БССР было разоблачено 33 агента, большинство из которых были поляками⁹⁷. Также можно выделить определенную закономерность по вербовке и использованию агентов этой национальности: основные

⁹¹ См. *ibidem*, ф. 4п, оп. 33а, д. 400, л. 13–17.

⁹² См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 71, л. 173; ф. 1407, оп. 1, д. 92, л. 22.

⁹³ См. *ibidem*, ф. 1399, оп. 1, д. 10, л. 105об.–106.

⁹⁴ Ср. А. М. Литвин, *Кровь и пепел. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси 1941–1944 годах*, „Беларуская думка”, 2009, № 4, с. 95–101.

⁹⁵ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 21, д. 3, л. 9.

⁹⁶ См. *ibidem*, оп. 1, д. 854а, л. 3–3об.

⁹⁷ См. *ibidem*, ф. 4п, оп. 1, д. 16851, л. 3–6; ф. 4п, оп. 1, д. 16852, л. 2–5.

центры подготовки и регион их деятельности локализуется территорией Западной Беларуси (имели место и отдельные исключения – С.К.).

Агентура польской национальности обучалась в разведывательно-диверсионных центрах в Барановичах⁹⁸, Бресте⁹⁹, Ганцевичах¹⁰⁰, Минске¹⁰¹, Новогрудке¹⁰², Пинске¹⁰³. В конце марта 1943 г. в Первомайской партизанской бригаде был пойман и разоблачен агент Эдмунд Юльянович Ш., направленный из Новогрудка со шпионскими задачами в соединения „лесных солдат“, причем до этого он уже семь раз выполнял аналогичные задания¹⁰⁴. В июне 1943 г. в одной из спецшкол г. Минска состоялся выпуск „в количестве до 300 человек, по национальности – евреи, цыгане, поляки – мужского и женского пола“¹⁰⁵. В ноябре того же года в Новогрудке состоялся набор до 300 курсантов для обучения в шпионской школе (легендирована под вывеской „Институт белорусской молодежи“), большинство из завербованных – поляки¹⁰⁶.

Среди выпущенных в начале января 1944 г. шпионской школой в Бресте агентов было два поляка: Генрих П. (1928 г.р.) и Станислав В. (1927 г.р.), которые „до 29 января 1944 вели разведку партизанской зоны, численности и вооружения партизан“¹⁰⁷. Оба после допросов были расстреляны. Одной из категорий населения, которую немецкие спецслужбы активно использовали с качестве шпионов, были лесники¹⁰⁸, в том числе польской национальности. В марте 1944 г. был разоблачен лесник Болеслав К., который являлся немецким агентом и выявлял стоянки и лагеря партизан, пользуясь хорошим знанием местности¹⁰⁹.

В июне 1944 г. помощник уполномоченного ЦК КП(б)Б и штаба партизанского движения по Барановичской области подполковник Донской сообщал в партизанские бригады области, что

⁹⁸ См. *ibidem*, ф. 1407, оп. 1, д. 92, л. 21–210б.

⁹⁹ См. *ibidem*, ф. 1399, оп. 1, д. 386, л. 1450б.; ф. 1401, оп. 1, д. 251, л. 175; ф. 1450, оп. 2, д. 57, л. 163.

¹⁰⁰ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 401, л. 160–1600б.

¹⁰¹ См. *ibidem*, оп. 1, д. 1808, л. 119.

¹⁰² См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 56, л. 53.

¹⁰³ См. *ibidem*, ф. 1399, оп. 1, д. 79, л. 56.

¹⁰⁴ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 60, л. 138–139.

¹⁰⁵ *Ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 1808, л. 119. Очередной пример того, что не всегда представляется возможным определить точное количество агентов определенной национальности.

¹⁰⁶ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 56, л. 53.

¹⁰⁷ *Ibidem*, оп. 2, д. 57, л. 163.

¹⁰⁸ См. *ibidem*, оп. 2, д. 53, л. 22; оп. 2, д. 1296, л. 124; оп. 4, д. 414, л. 83; оп. 21, д. 70, л. 167.

¹⁰⁹ См. *ibidem*, оп. 21, д. 70, л. 166.

” в Пинске под видом ремесленных училищ № 311 и 314 работают разведывательные школы немцев, в которых подготавливается агентура для засылки в партизанские отряды. Преподавателем указанных школ работает начальник фронтовой разведки РОА подполковник Левитов. [...] Левитовым подобрано 100 поляков для террористической и диверсионной работы в тылу Красной Армии¹¹⁰. Общая численность подготовленной польской агентуры может составлять приблизительно от 500 до 700 человек.

Малоизученным является вопрос привлечения к разведывательно-диверсионной работе агентов из лиц еврейской национальности. Частично данная проблема рассматривалась как белорусскими¹¹¹, так и российскими¹¹² исследователями, а также нашла фрагментарное отражение в сборниках опубликованных документов¹¹³.

Оценивая численность еврейского населения накануне и в период оккупации, укажем, что в предвоенные годы на территории Беларуси проживало около 940 тыс. евреев, из них только 150–180 тыс. смогло в июне–августе эвакуироваться в тыл СССР. Часть была призвана в ряды Красной армии. По немецким данным, накануне войны в БССР проживало около 900 тыс. евреев, а историк Л. Смиловицкий указывает на то, что еврейское население к началу войны составляло 12,8% населения Беларуси, то есть более одного млн. человек¹¹⁴.

Лица еврейской национальности являлись наиболее уязвимой и бесправной частью населения периода оккупации. Целенаправленная политика нацистов по выявлению евреев,

¹¹⁰ *Ibidem*, ф. 1407, оп. 1, д. 92, л. 27–27об.; ф. 1450, оп. 2, д. 30, л. 277.

¹¹¹ Например: К.И. Козак, *Германские оккупационные военные и гражданские органы в Беларуси 1941–1944 гг.: анализ и итоги потерь* [в:] *Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі*, Мінск 2006, с. 112; Э.Г. Иоффе, *Абвер, полиция безопасности и СД...*, с. 284–285; А. Татаренко, *Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах*, Санкт-Петербург 2006, с. 452–453.; С.В. Кулинок, *Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких спецслужб по использованию женщин, детей и евреев в разведывательно-диверсионной работе в годы Великой Отечественной войны* [в:] *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. материалов Всерос. молодежной науч. школы-конференции*, Новосибирск 2016, с. 213–219.

¹¹² Ср. Б.В. Соколов, *Оккупация. Правда и мифы*, Москва 2002, с. 290–302; *Структура и деятельность органов германской разведки...*, с. 34.

¹¹³ Ср. „Огненная дуга”. *Курская битва глазами Лубянки*, сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров, Москва 2003, с. 113; *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*, ред.-сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров, т. 3: *Крушение „Блицкрига”*, кн. 1: 1 января–30 июня 1942 г., Москва 2003, с. 11–12; *Органы государственной безопасности СССР...*, т. 4: *Великий перелом*, кн. 2: 1 июля–31 декабря 1943 г., Москва 2008, с. 25.

¹¹⁴ Цит. по: *Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.*, ред.-сост. К.И. Козак, Минск 2011, с. 26.

их локализация в гетто (на территории Беларуси действовало 168 гетто¹¹⁵), ограбление и уничтожение в лагерях фактически привели к тому, что жизнь в условиях оккупации превратилась в ежедневную стратегию выживания. Это отлично понимали и сотрудники немецких спецслужб, которые использовали эти факторы при вербовке агентуры. В качестве условий сотрудничества предлагалось освобождение из гетто и сохранение жизни родным и близким. Например, при вербовке агентов Михаила Б.-П. и Фиры А. были поставлены условия: либо сотрудничество, либо немедленная отправка в концентрационный лагерь или расстрел¹¹⁶. Для вербовки и принуждения к работе агента Хаима Л., который должен был внедриться в партизанский отряд Бельского, в заложники была взята его жена¹¹⁷.

Очевидно, что одной из главных причин для привлечения лиц еврейской национальности к разведывательно-диверсионной работе была возможность составления качественной и убедительной легенды для агента. С учетом вышесказанного, подозрение к прибывшему в партизаны агенту-еврею автоматически уменьшалась. В качестве легенды использовался побег из гетто или лагеря, спасение от погромов и карательных акций, желание отомстить за убитых членов семьи. Немецкие спецслужбы также практиковали „прикрепление” агента-еврея к основной группе или шпиону-одиночке. По легенде, этого еврея якобы спасли из лагеря или гетто, что автоматически повышало доверие и облегчало внедрение. Первые сведения о подготовке или разоблачении агентов-евреев, выявленные автором в архивных документах, относятся к лету–осени 1942 г.¹¹⁸

В январе 1943 г. чекистами партизанского отряда „Грозный” была разоблачена Роза Ефимовна Р. со своими сыновьями Леонидом и Владимиром. Они были направлены из Радошкович с разведывательным заданием¹¹⁹. Впоследствии летом 1943 г. из Радошкович было направлено еще несколько агентов-евреев¹²⁰. Во второй половине 1943 г. в партизанских соединениях БССР были получены установочные данные, либо разоблачены агенты немецкой

¹¹⁵ Ср. *Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941–1945*, Минск 1998, с. 10–65.

¹¹⁶ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 21, д. 75, л. 30–39об.; ф. 1450, оп. 2, д. 1419, л. 2–12об.

¹¹⁷ Ср. А. Татаренко, *Недозволенная память...*, с. 452–453.

¹¹⁸ См. НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 1419, л. 45; ф. 1450, оп. 2, д. 1297, л. 162.

¹¹⁹ См. *ibidem*, оп. 21, д. 148, л. 233–234.

¹²⁰ См. *ibidem*, оп. 2, д. 57, л. 128.

разведки Лазарь М.¹²¹, Еха Ш.¹²², Борис Ф.¹²³, Богдан Л. (он же Зелик Лейбусович А., прошедший подготовку в разведшколе в Варшаве и заброшенный для шпионской работы в белорусские леса – С.К.)¹²⁴, группа из восьми агентов-евреев¹²⁵, Шифра Ш.¹²⁶, Анна Моисеевна Ф.¹²⁷, а также группа агентов Крупского гестапо во главе с резидентом Евелем В.¹²⁸

Укажем на то, что агентура использовалась не только для борьбы с партизанами, но и для отправки на территорию СССР. Советскими спецслужбами были получены данные о том, что „в тылу Советского Союза хорошо работает по насаждению агентурной сети некто З., по национальности еврейка”¹²⁹.

Если говорить о стационарном обучении агентуры, то данные материалов Национального архива Республики Беларуси позволяют говорить о четырех центрах подготовки: в Барановичах, Борисове, Минске и Пинске. Первые сведения о деятельности школ и курсов, где готовились агенты-евреи, относятся в лету 1942 г. и связаны с работой „школы гестапо № 12” в 12 км от Минска на территории концлагеря Тростенец. Контингент будущих курсантов набирался на месте. Здесь же происходила первая проверка будущих агентов: их заставляли участвовать в избиениях и расстрелах узников, тем самым „связывали их кровью”, что практически исключало возможность перехода на сторону противника.

В конце марта 1943 г. партизанским отрядом им. Суворова был арестован Михаил Иосифович Б.-П. – еврей по национальности. На допросах он рассказал, что

„ три месяца (с конца июля по конец октября 1942 г.) обучался в Тростенечной школе, где преподавали следующие предметы: военная топография, виды и способы диверсий, индивидуальный и массовый способ террора, разведка и контрразведка, тактика немецкой армии, выработка стойкости и твердости характера, история развития и роста национал-социалистической партии Германии, немецкий язык”¹³⁰.

¹²¹ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 62, л. 21.

¹²² См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 57, л. 146.

¹²³ См. *ibidem*, оп. 21, д. 8, л. 147–147об.

¹²⁴ См. *ibidem*, оп. 21, д. 12, л. 202–205; ф. 1450, оп. 2, д. 1301, л. 9–13.

¹²⁵ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 139, л. 11.

¹²⁶ См. *ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 57, л. 30.

¹²⁷ См. *ibidem*, ф. 1350, оп. 1, д. 28, л. 131–131об.

¹²⁸ Э.Г. Иоффе, *Абвер, полиция безопасности и СД...*, с. 284–285.

¹²⁹ НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 57, л. 54; ф. 1450, оп. 21, д. 70, л. 110.

¹³⁰ *Ibidem*, оп. 2, д. 1419, л. 5–5об.; оп. 2, д. 60, л. 130–134.

К сожалению, пока не удалось установить количества наборов и подготовленных агентов, а также их национальности. Известно, что среди курсантов были уголовники, полицаи и гражданские лица, арестованные по подозрению за связь с партизанами¹³¹.

10 августа 1943 г. на имя начальника Центрального штаба партизанского движения П. Пономаренко поступил документ за подписью члена ЦК КП(б)Б Королева, в котором указывалось, что

„ последнее время гестапо использует евреев в целях шпионажа. Так при минском и борисовском гестапо были открыты 9-ти месячные курсы для евреев. Шпионы рассылались по квартирам в городе и засылались в партизанские отряды, последние снабжались отравляющими веществами для отравления партизан и командиров. В Минской зоне был разоблачен целый ряд таких шпионов¹³².

Одним из агентов, прошедших подготовку на 3-х месячных курсах в Борисове была Фира Михайловна А. (1912 г.р.). Вместе с группой агентов она была направлена в партизанский отряд „Большевик“ с заданием шпионского характера¹³³.

10 июня 1943 г. одной из Минских школ было выпущено „150 человек евреев всех возрастов“¹³⁴, а в разведывательной сводке БШПД от 30 июня 1943 г. сообщалось, что 26 июня из „гестапо г. Минска было выпущено более 100 евреев мужчин и женщин, которые были посланы в партизанские отряды с целью отравления командного состава. В Хозенцинской пуще были задержаны 5 женщин евреек с ядом, которые отравили колодезь“¹³⁵. Аналогичные данные проходили не только по линии партизан, но и по линии органов государственной безопасности¹³⁶.

Осенью 1943 г. в партизанской бригаде им. Ленина была разоблачена „агент в юбке“ Ханна Абрамовна К. – еврейка по национальности, которая на допросе показала, что из спецшколы в Пинске „совместно с ней было направлено по отрядам свыше 100 шпионов“¹³⁷.

В марте 1944 г. заместитель начальника Особого отдела Первомайской партизанской бригады Прохарчик, ссылаясь на показания разоблаченного агента-provokatora Ш., сообщал, что в Барановичах по адресу ул. Почтовая, д. 80 действует шпионская школа

¹³¹ См. ГАМН, ф. 4233, оп. 1, д. 1, л. 9, 10; НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 60, л. 130.

¹³² НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 27, л. 272.

¹³³ См. *ibidem*, оп. 21, д. 75, л. 20–21об.

¹³⁴ *Ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 1180, л. 125.

¹³⁵ *Ibidem*, ф. 1450, оп. 1, д. 4, л. 172.

¹³⁶ См. *ibidem*, ф. 1350, оп. 1, д. 35, л. 5.

¹³⁷ *Ibidem*, ф. 1450, оп. 2, д. 64, л. 238об.

с разовым контингентом обучающихся в 40 человек и со сроком обучения шесть месяцев. Ш. сообщил об одном выпуске из этой школы. В шпионы „вербуются в большинстве из лагерей заключенных, гетто, с полиции и люди, имеющие преступления [...] с подпиской родственников об ответственности за вербуемого. [...] В шпионы вербуются лица всех национальностей, в том числе и евреи”¹³⁸.

Укажем, что на сегодняшний день автором выявлено около 30 архивных документов по вопросу использования немцами евреев в своей разведывательной работе. Это позволяет предположить, что такие случаи не имели массового характера. Говоря языком цифр, отметим, что на основании имеющихся в нашем распоряжении документов можно говорить о том, что за годы оккупации немецкие спецслужбы завербовали приблизительно от 300 до 500 агентов еврейской национальности. Таким образом, процент шпионов-евреев от общего числа подготовленных составлял примерно 2–3%.

На оккупированной территории БССР имели место случаи привлечения к разведывательно-диверсионной работе прибалтов. В начале января 1943 г. в одной из разведсводок БШПД отмечалось, что „в агентурную сеть вербуются главным образом учительницы, ветврачи, медработники и кустари, особенно из латышей и эстонцев”¹³⁹. Во второй половине 1943 г. прошли спецподготовку в разведывательном центре в Борисове агент П. (латыш) и литовец Модест К.¹⁴⁰ Говорить о системности и массовости подготовки жителей прибалтийских государств на территории БССР нет оснований, но отдельные эпизоды имели место. При этом отметим, что на территорию Беларуси активно засылались агенты, прошедшие обучение в спецшколах на территории Литвы, Латвии и Эстонии¹⁴¹.

В архивных документах встречаются упоминания о привлечении к разведывательно-диверсионной работе жителей Кавказа (грузин, армян, осетин и др.), а также Средней Азии. В конце июня 1943 г. СД и командование немецких воинских частей в Бресте направило в населенные пункты Брестской области 80 шпионов, закончивших в середине июня 1943 г. в Бресте курсы разведчиков. „В большинстве своем посланные шпионы их народов восточных национальностей (адыгейцы, абхазы, осетины,

¹³⁸ *Ibidem*, оп. 2, д. 22, л. 431.

¹³⁹ *Ibidem*, оп. 1, д. 4, л. 13.

¹⁴⁰ См. *ibidem*, оп. 22, д. 113, л. 261–262.

¹⁴¹ См. *ibidem*, ф. 4п, оп. 33а, д. 151, л. 273–275; ф. 1405, оп. 2, д. 976, л. 30; ф. 1450, оп. 4, д. 411, л. 166–167; ф. 1450, оп. 21, д. 1, л. 151–152.

кабардинцы и т.п.)”¹⁴². Отдельные агенты (грузин и армянин) входили в состав разведывательно-диверсионных групп, подготовленных в Борисове и Пигановичах и заброшенных в тыл СССР¹⁴³. Агенты из Средней Азии (узбеки, казахи) проходили подготовку в школах в деревнях Стахово и Лошница¹⁴⁴. Численность шпионов вышеназванных национальностей была небольшой.

Необходимо сказать о привлечении к шпионской работе и фольксдойче. Их к марту 1944 г. на территории Генерального округа „Беларусь” проживало около пяти тысяч¹⁴⁵. Белорусский историк Владимир Тугай приводит следующие данные:

” Кроме использования на военной и гражданской службе, нацисты пытались привлечь „белорусских фольксдойче” к борьбе против партизан и подпольщиков в качестве разведчиков, агентов, диверсантов. 1 июня 1942 г. мозырским партизанским отрядом был задержан неизвестный. На допросе назвал себя Ивановым Иваном Ивановичем, 1924 г.р., по национальности – немцем, уроженцем деревни Магдынь Овручского района Житомирской области. Задержанный заявил, что он бежал от преследования со стороны немецких властей и имеет намерение поступить в партизанский отряд¹⁴⁶.

В ходе следственных мероприятий удалось установить принадлежность Иванова к немецкой разведке. Согласно архивным материалам, в феврале и марте 1944 г. состоялось два выпуска агентов (в одном было 500 человек, количество шпионов в другом неизвестно – С.К.) из Минских спецшкол. Среди агентов были „немцы, хорошо владеющие русским языком, белорусы и евреи”¹⁴⁷. Достаточно часто фольксдойче занимали руководящие должности в полицейских структурах, разведывательных органах и спецшколах (преподаватели)¹⁴⁸.

Судьба разоблаченных агентов всех национальностей была трагичной. Если их разоблачали в тылу Советского Союза или Красной Армии, то появлялся шанс выжить (особенно если не было совершено преступление и имела место явка с повинной). В этих случаях шпионам могли сохранить жизнь (сроки за данные

¹⁴² *Ibidem*, ф. 1403, оп. 1, д. 203, л. 177–177об.

¹⁴³ См. *ibidem*, ф. 1401, оп. 1, д. 339, л. 37–38об.; ф. 1450, оп. 21, д. 150, л. 12–22.

¹⁴⁴ См. *ibidem*, ф. 1405, оп. 1, д. 71, л. 169; ф. 1450, оп. 22, д. 114, л. 298–301.

¹⁴⁵ Ср. Д.А. Крывашэй, *Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941–ліпень 1944 г.)*, Мінск 2009, с. 48.

¹⁴⁶ В.В. Тугай, В.В. Григорьев, *«Фольксдойче» в годы Великой Отечественной войны в Беларуси (1941–1944)* [в:] *Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф.*, вып. 8, Мінск 2010, с. 137–138.

¹⁴⁷ НАРБ, ф. 1405, оп. 1, д. 1979, л. 46, 52; ф. 1450, оп. 2, д. 62, л. 104.

¹⁴⁸ См. *ibidem*, ф. 4п, оп. 33а, д. 151, л. 260; ф. 1450, оп. 2, д. 53, л. 12–13.

преступления давали от 10 до 25 лет). Тех агентов, которые совершили серьезные преступления (убийства, диверсии) могли и расстрелять.

Еще меньше шансов выжить было у агентов, разоблаченных в партизанских соединениях. Как правило, после допроса и получения необходимых сведений они расстреливались. Необходимо учитывать тот факт, что возможности безопасного содержания выявленного диверсанта или разведчика в партизанских формированиях отсутствовали. Пленного необходимо было кормить и охранять. Кроме того, командир соединения нес ответственность за жизни не только бойцов-партизан, но и за гражданское население, которое нередко находилось в формированиях „народных мстителей“. И в этой ситуации присутствие в отряде потенциального диверсанта-террориста было весьма рискованным.

Подводя итоги, отметим следующее: во-первых, на территории БССР немецкие спецслужбы развернули массовую работу по вербовке и обучению разведывательно-диверсионной агентуры. Основным направлением ее деятельности была борьба с партизанами. По приблизительным подсчетам за годы оккупации было подготовлено от 15 до 17 тысяч человек.

Во-вторых, к шпионской работе привлекались представители различных национальностей: русские, украинцы, евреи, поляки, прибалты, фольксдойче и др. Основной контингент шпионов (до 70%) вербовался из гражданского белорусского населения и белорусских военнопленных.

В-третьих, установить точные количественные данные подготовленных агентов по каждой национальности, за редким исключением, по объективным причинам не представляется возможным. Можно говорить о приблизительном процентном соотношении от общего числа подготовленных шпионов. Эти данные приведены автором на основании изучения значительного массива выявленных архивных материалов и определения основных тенденций и направлений в работе немецких спецслужб. В процессе дальнейшего изучения данной темы цифровые показатели возможно будут дополнены и уточнены.

Библіографія

Архивные источники

Государственный архив Минской области (ГАМН)

ф. 622, оп. 1, д. 1, 5, 12.

ф. 4233, оп. 1, д. 1: л. 1–2, 9, 10, 13об.–14, д. 22: л. 106 об., 126. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)

ф. 4п, оп. 33а, д. 22, 62, 63, 83, 84: л. 13–16, д. 151: л. 260, 273–281, д. 178: л. 33, д. 197: л. 152–158, д. 204: л. 12, д. 388: л. 15, д. 400: л. 6–8, 13–17, 87–88, д. 16851: л. 3–6, д. 16852: л. 2–5, д. 16853, 18372.

ф. 853, оп. 1, д. 1.

ф. 1350, оп. 1, д. 28: л. 131–131об., д. 35: л. 5, 7–8, 24, 27, 49–50.

ф. 1399, оп. 1, д. 9: л. 79, д. 10: л. 82, 105об.–106, д. 79: л. 56, д. 386: л. 145об.

ф. 1402, оп. 1, д. 79: л. 2, д. 165: л. 11–13.

ф. 1402, оп. 2, д. 72: л. 31об.

ф. 1401, оп. 1, д. 206: л. 216, д. 251: л. 173–174, 175, д. 339: л. 37–38об.

ф. 1403, оп. 1, д. 203: л. 177–177об.

ф. 1405, оп. 1, д. 62: л. 21, д. 71: л. 169, 173, д. 139: л. 11, д. 237: л. 8–8об., д. 268: л. 107–109, 111, д. 401: л. 160–160об., д. 808: л. 83, д. 976: л. 30, д. 1180: л. 125, д. 1808: л. 119, д. 1979: л. 42, 46, 49–52.

ф. 1406, оп. 1, д. 64: л. 4, д. 357: л. 122, 137.

ф. 1407, оп. 1, д. 62: л. 13, д. 92: л. 21–21об., 22.

ф. 1440, оп. 3, д. 786–787, 788: л. 4, д. 791.

ф. 1450, оп. 1, д. 4: л. 13, 72, 89, 123, 129–130, 282, д. 15: л. 201, д. 854а: л. 3–3об., д. 886: л. 109, д. 887: л. 155–156.

ф. 1450, оп. 2, д. 11: л. 51, д. 22: л. 337об.–338, 431, д. 25: л. 131, д. 27: л. 272, д. 30: л. 277, 540, д. 46–48, 51, 53: л. 12, 13, 18, 19, 22, д. 55: л. 65–65об., д. 56: л. 1–4, 42, 53, 65–68об., 86, 126–127, 197–199, 208–208об., д. 57: л. 21–22, 30, 40, 54, 72, 66, 128, 146, 148, 163, 286–297, 414–415, д. 58: л. 66, д. 60: л. 30об.–31, 130–134, 137–137об., 138–139, д. 62: л. 47, 104, 240, д. 64: л. 238об., д. 65: л. 11об., д. 92: л. 27–27об., д. 102: л. 4–4об., д. 108, 116: л. 135–137, д. 1419: л. 2–12об., 45, д. 1296: л. 124, д. 1297: л. 162, д. 1298: л. 2–4, 7, д. 1301: л. 9–13, д. 1311: л. 64 об.–66об., д. 1329: л. 93–95, д. 1335: л. 1–3об., д. 1342, 1419: л. 5–5об.

ф. 1450, оп. 3, д. 157–172, 188.

ф. 1450, оп. 3, д. 115: л. 59–61, д. 160: л. 34–70, д. 161: л. 62, 63, 69.

ф. 1450, оп. 4, д. 57: л. 66–70, 148, д. 220: л. 188, д. 241, 268: л. 10, д. 411: л. 166–167, д. 414: л. 83.

ф. 1450, оп. 11, д. 32: л. 169–170об.

ф. 1450, оп. 11а, д. 10: л. 243–272.

ф. 1450, оп. 21, д. 1: л. 131–133, 151–152, д. 3: л. 9, д. 8: л. 147–147об., 157–158, д. 12: л. 202–205, д. 21: л. 332–338, д. 26: л. 197–203, д. 31: л. 286–287об., д. 70: л. 110, 117–117 об., 166, 167, д. 75: л. 20–21об., 30–39об., д. 89: л. 66, д. 150: л. 12–22.

ф. 1450, оп. 22, д. 113: л. 261–262, д. 114: л. 222–225, 258, 298–301, д. 116: л. 108об., 124–125, д. 148: л. 233–234.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

ф. 69, оп. 1, д. 708: л. 178.

Литература

Krausnick H., *Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938–1942*, Frankfurt-am-Main 1998.

Pohl D., *Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und die einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944*, München 2008.

Williamson G., *German Security and Police Soldier 1939–45*, London 2002.

Гончаренко О.М., Куницкий М.П., Лисенко О.С., Система органів місцевого управління на території райхскомісаріату „Україна” та „військової зони”. 1941–1944 рр., Київ 2014.

Докунова Е.Н., За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги, „Беларуская думка”, 2012, № 2.

Доморад К.И., Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг., Минск 1995.

Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг., ред.-сост. К.И. Козак, Минск 2011.

Зверев Ю.В., Документы Национального архива Республики Беларусь о деятельности „Русской освободительной армии” на территории Беларуси (1941–1944 гг.) [в:] Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вивучэння і выкладання, Мінск 1998.

Июффе Э.Г., Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел „Иностранные армии – Восток” в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг., Минск 2007.

Июффе Э.Г., О людских потерях БССР в годы войны, „Секретные исследования”, 2012, № 21 (ноябрь).

Киселев В.К., Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии, „Вопросы истории”, 1984, № 3.

Киселев В.К., Партизанская разведка. Сентябрь 1943–июль 1944, Минск 1980.

Козак К.И., Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги, Минск 2012.

- Козак К.И., *Германские оккупационные военные и гражданские органы в Беларуси 1941–1944 гг.: анализ и итоги потерь* [в:] *Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі*, Мінск 2006.
- Комков Г.Д., *Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны*, „Вопросы истории”, 1965, № 5.
- Коровин В.В., *Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны*, Москва 2003.
- Крывашэй Д.А., *Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941–ліпень 1944 г.)*, Мінск 2009.
- Кулинок С.В., „В школе немецких разведчиков я училась полгода...”: *использование женщин в разведывательно-диверсионной работе на территории БССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)* [в:] *Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность: материалы XX Всеросс. науч. конф*, Москва 2017.
- Кулинок С.В., *Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: новые направления и перспективы исследования* [в:] *Российские и славянские исследования: сборник научных трудов*, вып. 11, Минск 2016.
- Кулинок С.В., *Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы великой отечественной войны*, „Вестник архивиста”, 2016, № 4.
- Кулинок С.В., *Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких спецслужб по использованию женщин, детей и евреев в разведывательно-диверсионной работе в годы Великой Отечественной войны* [в:] *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. материалов Всерос. молодежной науч. школы-конференции*, Новосибирск 2016.
- Кулинок С.В., *К вопросу о количестве разведывательно-диверсионных, полицейских, казачьих и других школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны* [в:] *Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф.*, вып. 14, Мінск 2016.
- Кулинок С.В., *Школы и курсы немецких спецслужб для детей и подростков на территории Белорусской ССР (1941–1944 гг.)* [в:] *Исторические чтения на Лубянке. 2015 год. Деятельность отечественных спецслужб XIX–XXI веках*, Москва 2016.
- Литвин А.М., *Кровь и пепел. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси 1941– 1944 годах*, „Беларуская думка”, 2009, № 4.
- Никитин М.Г., „Русские” и „белорусские” воинские формирования гитлеровских оккупантов на территории Витебщины в 1941– 1944 годах [в:] *Война известная и неизвестная: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию освобождения Витебщины от нем. -фашист. захватчиков, 15–16 июля 1994 г*, Витебск 1995.
- Новакаў С.Я., *Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі другой сусветнай вайны*, Мінск 2004.
- „Огненная дуга”. *Курская битва глазами Лубянки*, сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров, Москва 2003.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*, сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров, т. 3: *Крушение „Блицкрига”*, кн. 1: *1 января–30 июня 1942 г.*, Москва 2003.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*, сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров, т. 4: *Великий перелом*, кн. 2: *1 июля–31 декабря 1943 г.*, Москва 2008.
- Панкратов П.А., „Мрак и туман”, „Военно-исторический журнал”, 1998, № 3.
- Смирнов Н., *СМЕРШ против абвера*, „Армия”, 2000, № 2.
- Соколов Б.В., *Оккупация. Правда и мифы*, Москва 2002.
- Соловьев А.К., *Они действовали под разными псевдонимами*, Минск 1994.
- Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941–1945*, Минск 1998.
- Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны*, ред.-сост. А.В. Валякин, А.А. Кохан, Симферополь 2011.
- Татаренко А., *Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах*, Санкт-Петербург 2006.
- Тугай В.В., Григорьев В.В., „Фольксдойче” в годы Великой Отечественной войны в Беларуси (1941–1944) [в:] *Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф.*, вып. 8, Мінск 2010.
- Усов Н.Е., *В семье партизанской*, Минск 1988.
- Ямпольский В.П., Богодист В.Ф., *Организация и деятельность „Цепелина”* [в:] *Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб*, т. 4, Москва 2008.